

ВЗГЛЯДЫ

На детство

— Саша, на телевидение вы попали практически прямо из Америки. А вообще, откуда вы взялись? Может, вас в Америке специально и вырастили, чтобы потом забросить к нам для идеологической диверсии?

— Родился я в Обнинске, там находился роддом. А жили мы в поселке Белоусово, в трех километрах от Обнинска. Мне было три года когда мы переехали в Москву. Это был район ЗИЛ, заводская слободка. Там я прожил меньше года. Потом переехали в Чертаново. Днепропетровская улица, дом пять, корпус три, квартира два. Называю без опасения, потому что там сейчас находится опорный пункт охраны порядка.

— А кем вы хотели стать, если не секрет?

— Я мало кем хотел стать. У меня было два желания таких искренних: во-первых, заниматься театром, а, во-вторых, стать следователем. Желание стать следователем выросло из «Настольной книги следователя» — справочника для работников МУРа, который я у кого-то выменял. Там было все очень интересно. Правда, чьей-то доброй родительской рукой страницы про незаконные аборт были вырваны, но про изнасилования почему-то остались... Все эти повешенные, зарубленные, зарезанные меня не сильно интересовали. А вот все, что касалось дактилоскопии, допросов — это у меня с детства в крови. Мы с друзьями сами брали отпечатки пальцев друг у друга, проводили какие-то невероятные расследования...

— Наверно, потом вам подарили пистолет, вы стали играть в следователя, и решили стать актером?

— Нет. В пять лет мне подарили куклу из кукольного театра. Я стал с маниакальной страстью эти куклы коллекционировать и на каждую зарплату и пенсию у бабушки мне покупали куклу. Когда этих кукол накопилось достаточно для представления количества — штук десять — я попросил отца сделать ширму. Он был так удивлен, что я являюсь руководителем театра на данный момент, что ширму немедленно сделал. Каждое утро мы собирались, я отбирал труппу из желающих. Желающих было обычно человек двадцать, а кукол — десять... Я раздавал кукол, а дальше начиналось, как я потом понял, комедия дель арте, потому что каждый исходя из характера персонажа в абсолютно импровизированном режиме делал что хотел. Я только наблюдал за очередностью выхода кукол, чтобы они не толпились на этой сцене.

— А вы, значит, были режиссером?

— Конечно. Но не только. Я был и актером. У меня была любимая кукла — волк с открывающимся ртом. На самом деле, все чем я сейчас занимаюсь это так или иначе производная от того кукольного театра. В пятнадцать шестнадцать лет у нас была театральная студия в школе, которую были два замечательных человека Татьяна Прялкина и Александр Тюкавкин, выпускники ГИТИСа. Судьба странная вещь. С Александром Тюкавкиным мы дружим до сих пор и он был вторым режиссером на картине «Пастух его коров» и сейчас работает редактором и консультантом в новой программе на НТВ.

На телевидение

— Подождите вы с НТВ. Раз уж про театр заговорили, у меня тут

Я знал, что телевидение будет только поводом для этого интервью. Трудно представить, чтобы Гордон говорил только о телевидении. Карлсон все-таки был прав, недоумевая, как человек может залезти в телевизор. Настоящий человек, действительно, там не помещается. Александр Гордон играет в театре, снимает кино, работает на радио. (Это все помимо телевидения, где до недавнего времени шел «Процесс», до сих пор выходит в эфир «Хмурое утро» на М-1, и вот-вот выйдет его новая программа на НТВ). Не говорить с ним обо всем этом просто невозможно. Но и вместить все это в интервью нельзя. Человек не влезает не только в телевизор, но и в газетную полосу. Во всяком случае, этот человек...

Александра

ГОРДОНА

вопрос заготовлен. Я хочу попробовать угадать тот образ, который вы воплощаете в эфире. Это ведь Воланд, так?

— Во-первых, я персонажа этого не люблю, и никогда не стремился к его изображению. А во-вторых, я не люблю слово «имидж» и даже понятие «телевизионный образ». Оно мне не нравится, потому что на телевидении мало средств для того, чтобы создать полноценный образ. В театре в кино есть отработанные образы, а телевидение все-таки вещь низкая я по жанру, там полноценный образ создать нельзя. Воланд здесь не причем. Скорее, Коровьев.

— Саша, скажите, насколько вообще велика разница между Гордоном на экране и Гордоном в жизни?

— Я не могу сказать, что когда я просыпаюсь и лежу в, это тот же самый Гордон, который через час приходит на «Хмурое утро». Конечно, какая-то мобилизация черт знает чего происходит.

— Надо понимать, что просыпаетесь вы нежным, безупречно вежливым, оптимистичным?

— Просыпаюсь я мертвым. Я бы никогда в жизни не открыл рта, если бы не было необходимости, идти и что-то говорить.

— Ну вот начинается. «Я бы рта не открыл...» А в эфире только вас и видишь. Вы тут недавно «проехали» по телевизору, которые говорят, что не смотрят телевизор. Может и вы скажите, что не смотрите?

— Почему же, я смотрю телевизор. Я смотрю телевизор. Но только здесь у меня два взгляда, так же как на кино. Я смотрю телевизор как обыватель, иногда тупо, иногда с радостью, иногда мне смешно, иногда противно. Смотрю, потому что это часть жизни современного общества, от которой уже никуда не денешься. И я смотрю как профессионал: кто как работает, где как свет стоит, почему студия такая, а не другая... Я думаю, что не смотреть телевизор человеку, который работает на телевидении — это кокетство, причем глуповатое...

— Рассказывайте о своих зрительских предпочтениях. Что смотрите?

— Я смотрю новости, информационные программы, смотрю игры, особенно не наши, а чужие. Мне самому очень хочется придумать игру... Смотрю фильмы... Разные... Чего не могу смотреть — это совсем уж американские телевизионные фильмы. Здесь правда у меня открывается уже третий и четвертый взгляд: взгляд кинозрителя и режиссера, который снял первую картину. Что я еще смотрю? (Задумчиво)... Вот недавно порадовал канал, не знаю, правда, какой... У меня был в Америке любимый сериал «Стар Трек. Некст Дженерайшн»... Я сейчас когда его вижу прямо как домой вернулся: Капитан, Команда «Дельта», Джорди (Умилительно)... Очень мне нравится. Он на самом деле умный сериал. Они берут за сюжетную основу очень странные вещи. Например, в одной из серий я совершенно четко угадал цитаты

живое общение с актером, которое ничем не заменишь, в театре есть пыль кулис, рядом сидящие зрители, есть то, что называется атмосферой. В кино есть огромный экран, каждый квадратный сантиметр которого несет какую-то информацию.

Телевидение ничего этого не дает. У нас до сих пор нет стереозвучания. Цвет вчера на съемках программы мы ставили четыре часа. Задник в студии получается оранжевый, а нужен алый. И ничего с этим нельзя поделать...

У телевидения есть ярко выраженные функции. Я даже написал декларацию телеведущей и попытался ее протолкнуть, когда работал на шестом канале. Телевидение должно ИНФОРМИРОВАТЬ, РАЗВЛЕКАТЬ, ПРОСВЕЩАТЬ, ПРОВОЦИРОВАТЬ. Провоцировать на активную гражданскую позицию, на делание, на думанье.

Я хотел стать следователем. Все, что касается дактилоскопии, допросов — у меня с детства в крови

На свою программу

— То есть, телевидение, при всей бедности выразительных средств, вас на самом деле еще как интересует?

— Меня всегда интересовало, как из телевидения сделать антитеlevision, перевертыш. Как использовать телевидение только как повод для разговора. Я начал экспериментировать с этим очень давно. Еще в программе «Частный случай» на ТВ-6. Это была очень антитеlevisionная программа. В студии сидел странный человек, похожий на сельского учителя и разбирал жалобы от населения, давая (только что приехав из Америки) советы, как себя вести, если у вас сломался унитаз или вас обидел чиновник. Это было ежедневно по пятнадцать минут. Ну бред! Я использовал это, как повод для провокации, если не гражданской позиции, то

культурно-потребительской позиции общества...

— Надо полагать, скоро мы увидим новые результаты ваших экспериментов...

— То что сейчас выйдет на НТВ, 10 числа, это антитеlevision в чистом виде. Сейчас я буду делать не передачу. Я подчеркиваю, что это не-передача. У нее даже нет названия. Это будет выходить довольно поздно вечером четыре раза в неделю и, надеюсь, поможет создать некое интеллектуальное поле. Поле притяжения для людей, которые обычно брезгуют телевидением. Я так и позиционирую этот продукт: телевидение для тех, кто брезгует телевидением. Это и та аудитория, которая, пощелкав вечером по каналам, обычно выключает телевизор и идет читать книги, и те, кто никогда не приходит на телевидение, чтобы рассказать о своей работе.

На людей

— А ругаться матом в эфире будете? Или на НТВ это выразительное средство под запретом?

— С умными людьми нет нужды ругаться матом. Это когда дурак на пресс-конференции говорит, что он на свой фильм потратил 45 миллионов долларов, хочется материться. Кроме того для мата у меня же остается утренний эфир, я не закрываю «Хмурое утро».

— Саша, а телевидение для вас — это все-таки такой психотерапевтический кабинет, да?

— В основном не для меня, а для аудитории. Когда звонит с утра в «Хмурое утро» человек, который не высказался, у которого все плохо, который не любит жену, у которого сломалась машина, он видит меня и он меня ненавидит. Он звонит в программу: «Ты сволочь, жидовская рожа...» Но он выдыхается и на улицу выходит уже немножечко другим. Он уже не бросится на первого попавшегося, потому что на меня уже выплеснул...

— Слушайте, а вы еврейскую тему постоянно теребите, потому что это самый популярный «разрядник»?

— Я хватаюсь за еврейскую тему только тогда, когда я устал

и у меня нет сил продолжать эфир. Два раза сказал слово «жид» и можно молчать сорок минут, час. Будут звонить и выяснять между собой отношения. Это такой прием. Я с большим подозрением отношусь в нашей стране к такому национальному самоопределению, как «еврей»...

На себя

— Саша, давайте теперь о самом интересном... Зрителей ведь что интересует: политика, кто на чьей стороне играет, и сколько за это получает. Давайте о деньгах. Работа на телевидении дает вам возможность иметь какое-нибудь дорогостоящее хобби? Ну, дайвинг, путешествия, яхта...

— Самое дорогое хобби у меня — это кино. Прошлым летом, когда я снимал фильм («Пастух его коров» — прим. Авт), я очень смешно себя вел, я получаю деньги за свою работу на телевидении, а потом ехал и тратил их на съемки. Безотходное производство это называется!

— Черт возьми, какой вы правильный! Я тут недавно слышал такое определение «Гордон — гурӯ поколения тридцатилетних». Согласны?

— Чувствую это, на мой взгляд. Кто такой гурӯ? Это учитель. Я ученик в первую очередь. И единственной заслугой своей считаю то, что я не стыжусь, а даже люблю учиться. Вообще, почему для тридцатилетних? Что это за категория такая. Когда автора сценария фильма спросили: «Этот фильм для широкой публики?», он ответил: «Нет, скорее для глубокой». Мне плевать, сколько лет человеку: семьдесят, семнадцать или тридцать два, лишь бы он был МОИ. А я очень четко все-таки делю людей на своих и чужих.

— А ВАШ человек — это кто? Какой он, ваш зритель?

— Живой, страдающий, думающий и... Понимаете, я абсолютно убежден, что по-настоящему умный человек не может быть плохим, потому что себе дороже... Эта сволочь совесть тебя съест так, что мало не покажется. Поэтому вот еще и совестливый. То есть, хороший...

